

ВАЛЬГЕР ОЛЕСЯ АЛЕКСЕЕВНА

Аспирант кафедры права и философии.

Старший преподаватель кафедры английского языка факультета иностранных языков Новосибирского государственного педагогического университета

E-mail: olesyavalger@gmail.com

УДК 130.2

ЛИЧНОСТЬ В ОСВОЕНИИ МАРКЁРОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта
«Построение неклассической антропологии. Новая онтология человека»,
реализуемого на базе НГУЭУ
(грантовое соглашение № 14-18-03087)

Аннотация. Статья посвящена анализу роли и места личности в освоении маркёров национальной идентичности, предлагаемых ей окружающим социальным миром в качестве доступных и понятных интерпретаций заданных культурно-исторических координат. Осваивая эти маркёры и их интерпретации, человек проходит этап накопления знания о них и внешней идентификации, а затем начинается кризисный процесс их интернализации или отторжения. Высокая степень индивидуализации этого процесса и многообразие опыта в современном мире редко позволяют предсказать исход этого освоения, в связи с чем национальное проектирование становится всё менее эффективным.

Ключевые слова: национальная идентичность, маркеры национальной идентичности, национальное проектирование, интернализация, коллективный нарратив.

Olesya A. Valger

PERSONAL ACQUISITION OF NATIONAL IDENTITY MARKERS

Abstract. The work is devoted to the analysis of an individual's role and place in the acquisition of national identity markers which are offered by the surrounding social world as a set of available and interpreted cultural and historical coordinates. Acquiring these markers and their interpretations an individual passes through the stage of saving up the externally given knowledge about them and external identification. After that a critical process of their internalization or rejection begins. The high individual variability of this process and the variety of social experience in the modern world contribute to the ambiguity of the result of this process. Based on that, nation-building becomes less and less predictable and thus less effective.

Keywords: national identity, national identity markers, nation-building, internalization, collective narrative.

Современный человек обнаружил себя в мире, разделённом на государства, часть из которых является национальными, часть стремится стать национальными, а часть испытывает центробежные процессы бурного регионального национализма. Кроме того, современный человек рождается в обществе, где есть в значительной степени стандартизированное и обязательное образование, которое ведётся на уже сложившемся языке и опирается на достаточно консервативный вариант коллективного нарратива. Таким образом, человек осознаёт себя человеком среди не зависящей от него на данный момент архитектуры национальных, этнических, политических групп. И если на макроуровне государства или нации эта архитектура выражается в процессе национального проектирования, то на микроуровне индивида национализм общественных отношений рождает национальную идентичность. В. А. Тишков определяет национальную идентичность как практическое ощущение человеком своей принадлежности к системе культурно-исторических координат, которые изобретаются обществом, могут меняться или подвергаться коррекции [Тишков 2003: 209]. Собственно, проектирование нации и направлено на формирование устойчивой национальной идентичности у как можно более широкого круга членов сообщества [Кумlicka 2000: 184].

Другими словами, генезис каждой отдельной личности протекает в условиях целенаправленных усилий по его проектированию со стороны высокостатусных членов сообщества, в зарубежной терминологии обычно обозначаемых термином «элиты» [Smith 1991: 356]. Национальное проектирование в формирующихся национальных государствах активно трансформирует среду с целью создать базу для формирования национальной идентичности, а в сложившихся национальных государствах постоянно поддерживает существование этой среды. Можно считать установившимся в гуманитарной науке консенсусом, что процесс национального проектирования на уровне государства или группы строится вокруг ряда маркёров национальной идентичности (культурных

артефактов) и их интерпретации проектирующей группой как значимых для членов национального сообщества.

Отбор этих маркёров, их интерпретация и распространение задаются так называемыми «лидерами мнений», имеющими высокий формальный или неформальный авторитет, доступ к СМИ и большое количество социальных контактов. Поток интерпретации далее в той или иной степени ретранслируется всеми членами общества в форме коллективного нарратива, устных и письменных текстов, опирающихся на зачастую некритично воспринимаемую авторами интерпретацию маркёров национальной идентичности. Экстремальным примером такого отбора является советская версия истории Российской империи, когда после масштабного нигилизма 20-х годов прошлого века, в 30-х годах централизованным способом создаётся упрощённая версия дореволюционной истории, где некоторые события подаются как яркие, центральные и важные, например, восстание декабристов [Дубровский 2005: 420]. Разумеется, в большинстве наблюдаемых случаев никакая проектирующая группа не обладает подобной властью в столь короткие сроки изменить коллективный нарратив, но процесс «подсвечивания» ряда событий, символов, памятников культуры как центральных характерен для любого национального проектирования.

Маркёры национальной идентичности могут быть очень разнообразны. К примерам таких маркёров мы можем отнести:

1) исторические события (Великая Французская революция, Война за независимость в США, объединение Германии, отмена крепостного права в России);

2) произведения литературы и искусства («Божественная комедия» Данте Алигьери, «Гамлет» У. Шекспира, «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Американская готика» Г. Вуда, творчество В. А. Моцарта);

3) архитектурные символы (Кремль, Эйфелева башня, Empire State Building, Тадж-Махал);

4) государственные символы и законы (флаг, герб, гимн, конституция, Хартия вольностей, швейцарская Федеративная хартия 1291 года);

5) этнос (например, в современной Японии);

6) национальный язык (например, в современной Франции);

7) институты общественной жизни (парламентаризм, республика, демократия, «американская мечта», британская монархия);

8) специфичные культурные объекты бытовой жизни и среды (желтый школьный автобус в США, каминная полка с часами в Великобритании, ветряные мельницы в Голландии, фарфор в Китае);

9) праздники, фестивали, спортивные события;

10) национальные виды спорта (футбол для Бразилии, хоккей для Канады, лыжный спорт для Норвегии, бег для Нигерии);

11) сферы технологической компетенции (робототехника для Японии, ядерная энергетика для России, машиностроение для Германии);

12) религия как институциональная форма духовной идентичности (например, католицизм для Ирландии в противовес протестантизму Великобритании).

Вероятнее всего, список может быть значительно дополнен. Практически любое явление может стать таким маркёром, если оно окружено вниманием, интерпретацией, «легендой» и тиражируется как культуро-специфичное.

Нас интересует, как происходят освоение этих маркёров и их интерпретация личностью. Общественная жизнь в национальном государстве предполагает, что личность не только знакомится с маркёрами национальной идентичности в процессе образования (на уроках родного и иностранного языка, литературы, истории и обществознания) и социализации, но и сталкивается с ассортиментом доступных интерпретаций этих символов. К примеру, правление Петра I может интерпретироваться как прогрессивный европейский выбор или как результат назревшей необходимости сократить технологическое отставание от военных соперников. Славянофильская же интерпретация реформ Петра I как отхода от «настоящего пути» не является частью текущего коллективного нарратива [Жигунова 2006: 54] и может стать частью индивидуального опыта либо в результате целенаправленного углубления в эту тему, либо случайным образом. Получается, что ассортимент легкодоступных интерпретаций маркёров национальной идентичности ограничен извне и дан личности в опыте.

Дополнительно к этому окружающий социум постоянно пытается задать извне и саму категоризацию, отнесение человеком себя к некоей группе. Процессы идентификации в индивидуальной жизни начинаются раньше, чем процессы самоидентификации, — таковыми актами идентификации являются как получение гражданства, так и обучение национальному языку, окружение ритуалами родительской культуры, подверженность текстам коллективного нарратива. Ещё не имеющий оформленной национальной идентичности ребёнок уже воспринимается, описывается и категоризируется окружающими в рамках определённого этноса, национальности, гражданства, религии, социальной группы. К нему могут относиться как к «своему» или «чужому», равному или неравному члену детского коллектива, желательному или нежелательному партнёру в играх детей. К подростковому возрасту ребёнок приходит уже с багажом внешней идентификации, опытом высокого и низкого статуса, представлениями об ожиданиях его непосредственного актуального сообщества о желательном и нежелательном поведении, а также с багажом предписанной идентичности.

Тем не менее мы не можем говорить о том, что национальная идентичность личности спроектирована извне и предопределена внешними факторами. Независима от личности только среда и ассортимент легкодоступных интерпретаций маркёров, сам же процесс формирования эмоционального ощущения своей принадлежности в значительной степени вариативен и индивидуален.

В научной литературе описан ряд экспериментов, где испытуемым, собранным в группу по случайному принципу, предъявлялось утверждение, что некая интерпретация одного и того же явления является признаком, по которому они собраны в одну группу, и такая предписанная извне идентичность зачастую принималась некритично [Tajfel 2010: 316]. Однако в обществе всегда есть значительная часть членов, которые при восприятии тех же самых интерпретаций в общем опыте преломляют их либо вырабатывают альтернативные

им. Поэтому освоение маркёров национальной идентичности личностью не предопределено. Чтобы определять поступки и отношения человека в обществе, любая предписанная идентичность должна превратиться в освоенную, приобретённую идентичность. Национальная идентичность не является здесь исключением.

Освоение национальной идентичности протекает как сложный и индивидуально структурированный процесс, в который вовлечены разные игроки и факторы:

1. Авторитеты (родительский, педагогический, моральный, статусный). В раннем возрасте ребёнок не воспринимает критично интерпретации маркёров национальной идентичности, поставляемых родительским и педагогическими авторитетами, круг которых в его опыте ограничен, а в подростковом возрасте замена ранее значимых авторитетов на самостоятельно выбранные приводит к сильному обесцениванию ранее полученных интерпретаций, часто меняясь на противоположные (на время или насовсем). К зрелому возрасту человек накапливает ассортимент референтных авторитетов — деятелей культуры, учёных, политиков, коллег, друзей, чью интерпретацию маркёров он разделяет либо считает допустимой.

2. Идентификация другими членами в группе. В детском и подростковом возрасте такая идентификация чаще всего основывается на формальных признаках, таких как внешность, речь, принадлежность к определенной семье. Зарубежные исследования детских сообществ, в которых есть представители этнических меньшинств, свидетельствуют о том, что детские сообщества часто отождествляют национальность с этничностью [Rumbaut, Rong 2005].

3. Воображаемое сообщество, моделируемое экстраполяцией непосредственного опыта групповой идентичности на незнакомых, а также на уже или ещё не существующих членах национального сообщества. Лингвистически наличие такого воображаемого сообщества проявляется в появлении в лексиконе подростка неопределённо-личных предложений вроде «что обо мне подумают?», «говорят, что так одеваются только ...», «так не поступают» и т. д.

Подросток, уже идентифицированный другими и осознавший предписанную ему другими идентичность, приступает к процессу интернализации этой идентичности: внешние нормы становятся или не становятся внутренними, доступная интерпретация маркёров национальной идентичности принимается или оспаривается. В девиантной психологии хорошо описано явление сопротивления [Costigan et al. 2010], когда заданная группой или семьёй идентификация оказывается неприемлемой для личности и вступает в конфликт с желаемым образом себя.

Поскольку все виды идентичности подвергаются этому же процессу примерно одновременно, национальная идентичность может не быть актуальной для каждого конкретного человека. Маркёры национальной идентичности проходят успешную интернализацию или встречают сопротивление в зависимости от повышения или понижения личного статуса в обществе. Ряд исследований показывает, что национальная идентичность сильнее развита у членов групп

с высоким статусом, а члены национальных групп с низким статусом склонны считать иные виды социальной идентичности более важными [Huddy, Virtanen 1995; Migdal, Hewstone, Mullen 1998].

Если мы согласимся с довольно традиционным взглядом, что внутренней движущей силой интернализации идентичности выступает потребность в поддержании положительной самооценки [Huddy 2001], то логично продолжить эту мысль предположением, что в условиях кросс-культурного смешения личность будет с большей вероятностью формировать актуальную национальную идентичность, если она предоставляет более высокий статус или даёт лучший доступ к общественному благу. Выбор более актуальных маркёров из всего предложенного проектирующей группой ассортимента будет тогда осуществляться на основе их потенциала для установления личной причастности. Так, представитель этнического меньшинства будет считать более актуальным маркёром национальной идентичности идею многонациональности Российской Федерации, а представитель периферийной религиозной конфессии будет переживать принцип светскости государства и равенства всех религий в стране как более актуальный, нежели многонациональность. Успешное национальное проектирование, таким образом, всегда должно быть избыточно, чтобы ассортимент маркёров национальной идентичности был достаточно широк для их выборочного применения личностью в зависимости от её индивидуальной позиции в обществе.

Однако такая необходимая избыточность исключает возможность прогнозирования процесса освоения национальной идентичности. В современном мире человек оказался в ситуации беспрецедентного для предыдущих эпох ассортимента членства в группах вкупе с повышенной социальной мобильностью. Религиозная, региональная, профессиональная, сословная идентичность более не являются предопределёнными. Произошла глобализация информационных потоков, развивается постоянное кросс-культурное взаимодействие и техническая революция в создании и распространении информации, когда каждый становится автором текста без преодоления множества образовательных и финансовых барьеров [Смирнов 2015]. Любой любительский текст может стать более популярным, чем профессионально созданный текст. Коллективный нарратив стало сложнее проектировать, а маркёры национальной идентичности множатся в зависимости от медийной повестки.

Это не может не накладывать отпечаток на сложившиеся практики освоения маркёров национальной идентичности — многие люди переживают конкуренцию разных вариантов национальной идентичности в непосредственно данном опыте, отбор маркёров для освоения затруднён большим количеством доступной кросс-культурной информации, а разнообразие миграционных потоков зачастую приводит к множественности картин идентичности внутри национальных государств. Поэтому многие исследователи описывают намечающийся кризис национальной идентичности и в особенности национального проектирования, которое в условиях свободного потока информации становится слишком вариативным, чтобы поддерживать единство культурного образа.

Литература

1. Дубровский 2005 — *Дубровский А. М.* Историк и власть: Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: БрГУ, 2005. 800 с.
2. Жигунова 2006 — *Жигунова Г. В.* Национальное самосознание русского народа в философии славянофильства // Вестн. МГТУ, 2006. Т. 9. № 1. С. 53–58.
3. Кайгородов 2015 — *Кайгородов П. В.* «Нация» как языковая игра // Человек.RU. 2015. № 10. С. 93–98.
4. Смирнов 2015 — *Смирнов С. А.* Форсайт человека. Опыты по неклассической философии человека. Новосибирск: Офсет, 2015. 660 с.
5. Тишков 2003 — *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 208–222.
6. Costigan et al. 2010 — Ethnic identity, achievement, and psychological adjustment: Examining risk and resilience among youth from immigrant Chinese families in Canada / C. L. Costigan et al. // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. Vol 16 (2). P. 264–273.
7. Huddy, Virtanen 1995 — *Huddy L., Virtanen S.* Subgroup differentiation and subgroup bias among Latinos as a function of familiarity and positive distinctiveness // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 68 (1). P. 97–108.
8. Huddy 2001 — *Huddy, L.* From social to political identity: A critical examination of social identity theory // Political Psychology. Vol. 22. No 1. P. 127–156.
9. Kymlicka 2000 — *Kymlicka W.* Nation-building and minority rights: Comparing West and East // Journal of Ethnic and Migration Studies. Vol. 26. Is. 2. P. 183–212.
10. Migdal, Hewstone, Mullen 1998 — *Migdal M. J., Hewstone M., Mullen B.* The effects of crossed categorization on intergroup evaluations: A meta-analysis // British Journal of Social Psychology. Vol. 37. Is. 3. P. 303–324.
12. Rumbaut 2005 — *Rumbaut R. G.* Sites of Belonging: Acculturation, Discrimination, and Ethnic Identity Among Children of Immigrants // Discovering Successful Pathways in Children's Development / ed. T. S. Weiner. University of Chicago Press, 2005. P. 111–164.
13. Rong Xue Lan, Brown Frank 2001 — *Rong Xue Lan, Brown Frank.* The Effects of Immigrant Generation and Ethnicity on Educational Attainment among Young African and Caribbean Blacks in the United States // Harvard Educational Review. Vol. 71. No. 3. P. 536–566.
14. Smith 1991 — *Smith A. D.* The Nation: Invented, Imagined, Reconstructed? // Millennium Journal of International Studies. Vol. 20. No. 3. P. 353–368.
15. Tajfel 2010 — *Tajfel H.* Social Identity and Intergroup Relations // European Studies in Social Psychology Series: Book 7. Cambridge University Press, 2010. 546 p.